Мой отец – Аникеев Михаил Борисович, крестьянский сын, уроженец села Ермолино Рославльского уезда Смоленской губернии. Когда-то давно эти земли входили в состав вотчин князей Черкасских и Путятиных, а с XIX века в числе владельцев окрестных сёл и деревенек появляются дворяне Голиковы. В частности, в известном труде И.П. Сперанского «Деятели Смоленского края на пользу церкви, общественной благотворительности, науки и народного образования», опубликованном в «Смоленских епархиальных ведомостях» в №15 за 1899 год, на странице 832 под 1764 годом сообщается: «Поручик Антон Петрович Путята постр. дерев. ц. во имя Рождества Христова в с. Ермолине, Рославльск. у.».

Из других источников известно, что храм этот был деревянный, «об одной главе» и стоял на высоком месте, «неподалеку от реки Остряка» (р. Острик, приток Остра). Старая церковь обветшала, и в 1845 году на её месте на средства поручика Степана Герасимовича Голикова был построен новый храм «во имя Успения святой Богородицы».

Десятью годами позже в метрической книге этой Успенской церкви под 1855 го-

Автор очерка В.М. Аникеев возле указателя брошенной д. Ермолино. 2009 г.

дом в разделе «О родившихся» была сделана запись о рождении моего прадеда. После указания месяца, дня рождения, крещения «27 февраля» и имени родившегося «Василий» в графе «Звание, имя, отчество и фамилия родителей и какого вероисповедания» записано: «Села Ермолина Г^ки^ Голиковой крестьянин Яков Иоанникиев и законная его жена Екатерина Павлова оба православного вероисповедания». Следовательно, прадед мой при рождении стал крепостным этой самой госпожи помещицы Голиковой на целых шесть лет, до отмены крепостного права.

В записи 1875 года о бракосочетании с «девицей Татианой Антониевой» прадед именуется уже как «деревни Ермолина крестьянина Якова Иоанникиева сын Василий Яковлев». То есть, по-современному – Василий Яковлевич Аникеев, так как фамилиями крестьян центральных губерний России стали официально наделять только после отмены крепостного права в 1861 году. А до этого и ещё много позже вместо фамилии писалось имя отца (отчество в именительном падеже): Василий Яковлев – Василий, родившийся от отца по имени Яков.

Дед мой Борис Васильевич при рождении в 1917 году старшего сына (моего отца) Михаила записал в метрической книге той же Успенской церкви уже с фамилией: «Деревни Ермолина крестьянин Борис Васильев Аникеев...», а вот бабушку мою Евфросинью Семёновну по-прежнему записали без фамилии, только с отчеством по имени её отца: «и законная его жена Евфросиния Семенова, оба православные».

Запись эта о рождении моего отца в метрической книге 1917 года под №76 гласит, что младенец был рождён 6 ноября, а крещён 8 ноября. Имена новорождённым раньше давали по святцам, вот и в графе «Имена родившихся» значится: «Михаил, в честь архистр. Михаила празд. 8 ноября» (то есть в честь Архистратига Михаила, день которого – Собор Архангела Михаила – празднуется 8 ноября). Это означает, что 6 ноября (по старому стилю) или 19 ноября 2017 года по нынешнему, исполнилось 100 лет со дня рождения моего отца Аникеева Михаила Борисовича.

О своём детстве отец почти ничего не рассказывал. Ему запомнилось только то, что жили они все вместе одной большой крестьянской семьей вместе с невестками, внуками и внучками, а глава семьи – отцовский дед (и мой прадедушка) Василий, загонял всех взрослых тяжёлой крестьянской работой, копил вырученные деньги и прикупал на них через Крестьянский поземельный банк землю.

И действительно, к моему удивлению, в Государственном архиве Смоленской области обнаружилось целое архивное дело №211 «Рославльской уездной землеустроительной комиссии по ходатайству крестьянина Ермолинской волости деревни Ермолина Василия Яковлева Аникеева о выделе хуторского участка из надельной земли», начатое 11 ноября 1909 года и оконченное 11 февраля 1911 года.

Завершает это архивное дело «Выпись из приговора Ермолинского сельского общества Ермолинской волости Рославльского уезда Смоленской губернии», где сообщается, что 19 домохозяев из 22-х человек общего числа домохозяев селения, имеющих право участвовать в сходе, рассмотрели проектный план выдела из общинной надельной земли двух хуторских участков однодеревенцу Василию Яковлеву Аникееву в качестве пяти наделов, принадлежавших ему, и трёх наделов, купленных Василием Аникеевым у однодеревенцев Анисима Яковлева и Михаила Анисимова Аникеевых, составленный землемером Л. Здановичем. И далее: «Ознакомившись с проектом, зная отведенный к одному месту в натуре хутор, поговоря между собой, единогласно постановили: принять предъявленный нам проектный план выдела из нашей надельной селения Ермолина земли хутор-

ской участок, подписанный нашими уполномоченными отныне навсегда представить в единоличную вечную собственность хутор под названием «Аникеевка» в количестве тридцать девять целых и семь десятых десятин удобной и неудобной земли, согласно предъявленного плана».

Забегая вперёд, расскажу, как в один из приездов к дедушке и бабушке в Ермолино (мы жили тогда на Украине), отец взял меня с собой и мы отправились искать место, где раньше была прадедова усадьба. Стояла нестерпимая жара сенокосной поры. Мы долго бродили по бесхозным закустаренным луговинам. Отец шагал широко и я, десяти-двенадцатилетний мальчонка, застревая и путаясь в густой траве, совсем уж было выбился из сил, когда мы вышли к небольшому бочажку, заросшему камышом. Это выглядело, как мираж – оазис в безлюдной и безводной пустыне. Отец постоял, глядя на крохотное зеркальце воды, и сказал: «Да! Это то место!» Потом повернулся и показал: «А там находился наш дом». Я не помню его лица, но думаю, что оно было такое же, как у Александра Трифоновича Твардовского на известной фотографии военной поры на месте бывшего хутора Загорье. Да и жизнь на хуторе Аникеевка мало чем отличалась от жизни в Загорье, где, по словам брата Александра Трифоновича – Ивана, «семья еле сводила концы с концами: изнурительный труд на пашне в мелких болотцах, замшелых березничках, кочковатых полянках не вознаграждался желанным урожаем».

К рождению внука Михаила (моего отца) дед (для меня – прадед) Василий по Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года владел уже 46-ю десятинами земли (единица земельной площади, равная 2400 квадратным саженям или 1,09 гектара, и применявшаяся в России до введения метрической системы). У Смоленского Свято-Троицкого монастыря, по сведениям, приведенным в «Адрес-календаре Смоленской епархии» А.В. Санковского в 1898 году, было в собственности «40 с лишним» десятин земельных угодий. Правда, из 46-ти прадедовых десятин десять составляли закустаренные неудобья, то есть бесплодная пустошь. Семья прадеда в 1917 году насчитывала семь взрослых человек: сам хозяин 63-х лет (по тем временам возраст очень преклонный), жена 60-ти лет, два сына, две снохи и дочь, которые должны были обрабатывать землю – пахать, сеять, косить траву, убирать урожай и обихаживать домашнюю скотину, а также шесть внуков и внучек (на подходе был ещё мой отец). В хозяйстве прадеда, по той же сельскохозяйственной переписи, находилось: лошадей – 5 (старше 2-х лет – две, от года до рабочего возраста – две, жеребёнок – один); коров – 3, телят до 1-го года – 3; овец (валух и баранов) – 7, ягнят – 10; свиней и боровов – 4 (старше 1 года – два; подсвинков от 4-х месяцев до 1 года – два). Еще были собственные три однолемешных плуга, веялка, две телеги на железном ходу и наёмная молотилка.

И хотя в этом «домохозяйстве», как это называлось в статистических отчётах, дополнительных работников-батраков не нанимали, всем обитателям хутора, наверняка, была уготована судьба Твардовских, высланных «спецпереселенцами» за Северный Урал. Но к тому времени, когда в 1930-х годах на Смоленщине началась коллективизация, прадед, наверняка, уже умер (точной даты я пока не знаю), и большая семья распалась и разделилась.

Что из этого состояния досталось сыну Василия (моему деду) Борису – мне неизвестно. Кроме него у прадеда был ещё старший сын Иоанн (Иван) и три дочери: Ирина и не указанные в переписи 1917 года (то есть замужние) Евфимия и Клавдия. Сколько детей родила моя бабушка Евфросиния, я тоже точно не знаю, отец никогда об этом не говорил. По церковной метрической книге первым младенцем в семье деда была дочь

Анна, прожившая всего несколько дней. Потом, через три года, родился мой отец – Михаил и стал старшим ребёнком в семье. За ним, через два года, появился второй сын, крещенный Георгием, но, насколько я помню, вся родня звала его Григорием, и я тоже, естественно, звал его «дядей Гришей». За Гришей пошли дочери: Анна, Мария (её тоже почему-то постоянно звали – Маруся) и младшая Надежда, 1931 года рождения. Как жили? Об этом уже написали замечательные наши писатели-«деревенщики» – государство выгребало буквально всё, заставляя работать за пустые трудодни.

Уже на склоне жизни отец как-то рассказал, что после окончания семилетки, находившейся в соседней деревне Доротовке (в самом Ермолине была только начальная школа-четырёхлетка), его мама (в будущем моя бабушка – Евфросиния Семёновна) завернула в холстинку кусок сала, взяла каравай хлеба и, сунув всё это в торбочку, сказала: «Миша! Ты на нас не обижайся, но кормить тебя мы больше не можем. Иди, выживай в город!» Это был 1933 год, голодное время создания и становления на Смоленщине колхозов. Отец не стал «обижаться», а пешком пришёл в Рославль и поступил там учиться в Механический техникум Западной железной дороги (впоследствии он стал называться Рославльский железнодорожный техникум). В отцовском дипломе об окончании этого учебного заведения записано: «обучался с 1 сентября 1933 года по апрель 1937 года» и что присвоена ему квалификация «техника ж. д. транспорта по специальности „вагонное хозяйство"». Учился отец хорошо, в дипломе у него «удовлетворительно» только по русскому и немецкому языкам и сопротивлению материалов. Все остальные предметы и технические дисциплины, курсовую работу он сдал на «хорошо» и «отлично».

А как же насчёт «выживания»? Отец говорил, что так оно было: «ходили с напарником по дворам и подряжались пилить, колоть и складывать дрова – где покормят, где рублик дадут!» Благо, что Рославль в то время почти весь состоял из одноэтажных деревянных домов с печами и топился дровами. Стипендия была крохотной, а из дома никакой помощи не было.

По окончании техникума отец получил назначение на работу в город Канаш в Чувашии, на недавно построенный там большой вагоноремонтный завод. Оттуда Канашским райвоенкоматом в 1938 году он был призван на действительную военную службу и отправлен в Средне-Азиатский военный округ (САВО) в г. Ашхабад – столицу Туркменской ССР. Скорее всего, ему было нетрудно преодолевать тяготы военной службы: он уже имел жизненную закалку, был физически крепок. Кроме того, на одной из фотографий, сделанной, видимо, уже после окончания техникума на Канашском вагонзаводе, на его полувоенной гимнастёрке (тогда вся страна ходила в форме, не только военнослужащие и милиционеры, но и железнодорожники, связисты и др.) прикреплены три значка. Один из них, подвешенный на цепочке, – это широко известный значок БГТО (Будь готов к труду и обороне) образца 1934 года, остальные, видимо, связаны с получением каких-либо военно-оборонительных навыков или специальностей, что вполне было в духе предвоенного времени. По-видимому, как имеющий среднее специальное образование, красноармеец Аникеев был направлен на курсы младших политруков САВО, где обучался по программе окружного годичного военно-политического училища с 1 марта 1940 по 1 февраля 1941 года. Сохранилось временное удостоверение, написанное от руки на бумаге в клеточку из школьной тетрадки, датированное 10 марта 1941 года, которое гласит, что младший политрук Аникеев М.Б. состоит на службе при 503 Отдельном зенитном артиллерийском дивизионе.

В Ашхабаде отец познакомился со студенткой хлопко-текстильного техникума

Зоей – моей будущей мамой. Её отец, мой дедушка, которого я никогда не видел, приехал с семьёй из-под Саратова по оргнабору в город Чарджоу на строительство моста через Аму-Дарью и умер там в 1932 году от тифа. У мамы были ещё старший брат и три сестры. 3 июня 1941 года она защитила на «отлично» дипломный проект и получила профессию техника-технолога по хлопкоткачеству. А 26 июля 1941 года они с отцом поженились. Свадьбы как таковой не было, в качестве праздничного блюда моя среднеазиатская бабушка (отцовская тёща) пожарила целую сковородку картошки, которая в Туркмении была привозным деликатесом. Второй месяц шла война, немцы уже были в Смоленске, враг рвался к Москве. Младшего политрука ожидал Западный фронт.

Но прежде чем он попал туда, в его биографии была военная кампания, которая не вошла в послужной список отца.

Однажды во время очередного застолья с фронтовиками 9 мая (я в ту пору был уже студентом), он упомянул, что Великая Отечественная война началась для него в 1941 году в Иране. По-видимому, выпито уже было достаточно, кто-то пропустил мимо ушей, а кто-то осклабился: «Где-где?». Отец повторил: «В Иране! Наши ввели туда войска после начала войны с Германией». Но об этом в советской историографии тогда не писалось и даже не упоминалось. И отец, с присущей ему горячностью в полемике, стал рассказывать, как его послали старшим в разведку на броневике после пересечения границы с Ираном. Оказывается, в августе-сентябре 1941 года была проведена совместная британо-советская операция Второй мировой войны по занятию территории Иранского государства под кодовым наименованием «Операция „Согласие"» (англ. – Operation Countenance). Её целью были: защита нефтяных месторождений Советского Союза (Баку) и Англии (Южный Иран и пограничные с Ираком районы Ирана); защита транспортного коридора союзников, по которому впоследствии шла значительная доля поставок по ленд-лизу, и упреждение опасности утверждения сил Третьего рейха в Иране, что грозило вовлечением Турции в войну на стороне Германии.

25 августа британцы нанесли удар с юга, а советские войска со стороны Кавказа. Со Среднеазиатского направления 27 августа подключилась к наступлению 53-я армия генерал-майора С.Г. Трофименко. В её составе было подразделение, в котором служил отец. Там он и получил приказ провести разведку на броневике Б-10, которые состояли на вооружении Красной Армии и неплохо зарекомендовали себя на Халкин-Голе.

– Мы готовились к ведению боевых действий. Был приказ добраться до передовых позиций иранской армии и, по возможности, выявить количество войск и их структуру, – рассказывал отец. – В бой было приказано не вступать. Проехали несколько иранских селений – никого. Принял решение ехать дальше. Доехали до маленького городка. Тоже никого, только двери открытые хлопают. Казармы и окопы пустые – оказывается, все они драпанули!

Дальше забираться не было смысла, и так проехали больше двадцати километров. Командование расценило это как дальнюю разведку и объявило отцу благодарность. Потом выяснилось, что противостоявшие 53-й армии две иранские дивизии отступили практически без боя.

29 августа было создано новое правительство Ирана, в этот же день заключено перемирие с Британией, а 30 августа – с Советским Союзом. 8 сентября было подписано соглашение, которое определяло зоны оккупации между двумя державами. Иранское правительство обязалось выслать из страны всех граждан Германии, придерживаться строгого нейтралитета и не препятствовать военному транзиту стран Антигит-

леровской коалиции. Обо всём этом теперь можно узнать из интернета, я даже нашел там фотографию командира Красной Армии в Иране возле броневика Б-10, подающего сигнал из ракетницы. Им вполне мог быть мой отец.

О том, что все, о чём он рассказывал ещё в 1960-е годы, правда, свидетельствует наградной лист на военкома бронепоезда №656 «Роза Люксембург» политрука Аникеева Михаила Борисовича. В графе «Участие в боях /где и когда/» есть запись: «Ввод войск в Иран 27.08.1941 г.». Но это уже наградной лист военнослужащего 61-й армии Западного фронта.

О войне отец рассказывал только во время праздничного застолья 9 мая в День Победы в кругу фронтовиков. До установления в 1965 году этого праздника вновь нерабочим днём, каковым он был до 1948 года, я вообще не помню каких-либо его фронтовых рассказов. Тогда почему-то не принято было носить боевые награды, только некоторые отставники, осевшие в отделах кадров, носили колодочки с орденскими ленточками. Да и ветеранов с каждым годом становилось всё меньше и меньше.

В послужном списке отца есть запись: «Зам. ком. бронеп. 06.41 – 11.43». То есть заместителем командира бронепоезда по политчасти отец был назначен через несколько месяцев после окончания курсов младших политруков САВО. А до поступления на курсы он по тому же послужному списку являлся зам. политрука, что соответствовало старшинской должности. Видимо, на политико-воспитательную работу его выдвинули как грамотного красноармейца со средним специальным образованием, каковых в то время в армии было очень мало. Сохранилась фотография, где на фоне среднеазиатских песков отец в грубой красноармейской шинели стоит рядом с командиром у знамени, на котором можно прочитать вышитое «...бург». На другой фотографии 1941 года он уже в офицерской гимнастёрке с двумя квадратами в петлицах, что соответствовало званию младший политрук (лейтенант). Это значит, что на рукаве гимнастёрки моего отца находилась красная пятиконечная звезда, с вытканными на ней золотом серпом и молотом – отличительным знаком политсостава. При её обнаружении немцы расстреливали комиссаров, как и евреев, на месте. На сей счёт за две недели до нападения на СССР был даже издан специальный приказ по вермахту, предусматривавший немедленный расстрел всех взятых в плен политработников Красной Армии, «как носителей сопротивления».

О том, что бронепоезд, военным комиссаром которого был мой отец, носил имя немецкой социал-демократки, основательницы Германской компартии Розы Люксембург, я узнал из наградных документов – Приказа войскам 61-й армии Западного фронта от 30 августа 1942 года №63/н, размещенного на сайте «Подвиг народа.ру», запущенном в апреле 2010 года. Из того же сайта я узнал, что 10-й отдельный дивизион, в котором служил отец, состоял из двух бронепоездов. Я думал, что второй бронепоезд назывался «Карл Либкнехт», в честь соратника Розы Люксембург, также убитого во время подавления восстания немецких рабочих в 1919 году. Но это не так: второй бронепоезд назывался «Народный мститель», он был построен в подмосковном Люблино и вступил в строй 23 февраля 1942 года.

А бронепоезд «Роза Люксембург», оказывается, имел давнюю историю. Его предшественником был лёгкий бронепоезд, построенный на машиностроительном заводе в Бежице. Весной 1918 года он, под названием «Бронепоезд №1 Брянского Совдепа», отправился на Восточный фронт, где сражался с белочехами под Самарой и Симбирском и с колчаковцами под Пермью. В 1919 году он был переоборудован и назван «Роза Люксембург». После окончания Гражданской войны с 1924 года бронепоезд ба-

зировался в Туркестане на ст. Эмир-Абад, а затем в январе 1938 года был передислоцирован в Ашхабад. 18 января 1942 года бронепоезд №10 убыл из Ашхабада в Москву и 8 февраля 1942 года прибыл на ст. Перово. Здесь 16 февраля 1942 года был получен приказ Управления бронепоездами №08 о формировании на базе бронепоезда «Роза Люксембург» 10-го дивизиона бронепоездов со сроком готовности 1 марта 1942 года. Точно в назначенный срок бронедивизион приступил к выполнению боевой задачи.

В упомянутом приказе первым в списке награждённых медалью «За отвагу» значится политрук Аникеев Михаил Борисович, военком бронепоезда 10-го отдельного дивизиона бронепоездов. В представленном там же наградном листе в разделе «Краткое, конкретное изложение личного подвига или заслуг» записано: «Комиссар бронепоезда „Роза Люксембург" Аникеев Михаил Борисович во время действий на боевом участке обеспечивал высокое политико-моральное состояние личного состава.

Бронепоезд „Роза Люксембург" десятки раз подвергался налёту вражеской авиации. Личный состав выходил из боя бодрым и устойчивым. 17-18 июля 1942 г. бронепоезд „Роза Люксембург", выполняя боевую задачу, на ст. Киреевская подвергся бомбежке вражеской авиации, которая имела своей целью – уничтожить бронепоезд. Подкравшись к цели, используя облачность, бомбардировщики стали пикировать.

Комиссар бронепоезда с командиром приняли решение маневрировать и вести огонь по вражеским самолётам. Тов. Аникеев М.Б. личным примером мужества, смелости и отваги воодушевлял личный состав на борьбу. На счету поезда имеются два сбитых самолета. За проявленное мужество и отвагу в борьбе с вражескими самолетами из личного состава бронепоезда „Роза Люксембург" награждено 4 человека. Представлено к награде 7 человек. Тов. Аникеев достоин награждения медалью „За отвагу"».

На сайте «Помни войну» в статье Олега Федосеева «Стальные крепости. На железной дороге под Козельском в годы Великой Отечественной войны» сообщается: «5 июня 1942 года бронепоезд №10 имени Розы Люксембург на станции Киреевская прикрывал выгрузку прибывшего воинского эшелона с танками КВ. За время выгрузки авиация противника произвела 12 налетов. Ввиду интенсивного огня с бронепоезда авиация противника вынуждена была сбросить бомбы с большой высоты, которые падали в стороне, не причиняя никакого вреда. В результате были сбиты один Ю-88 и один Хе-111. Эшелон был выгружен без потери материальной части и личного состава.

10-й отдельный дивизион бронепоездов, поступив в подчинение 61-й армии, имел задачу: прикрывать от налётов вражеской авиации выгрузку и погрузку воинских эшелонов на станциях Белёв, Ишутино, Киреевская, Слаговищи, Козельск. Одновременно он должен был охранять этот же железнодорожный участок от возможных диверсий со стороны противника. Под прикрытием огня дивизиона бронепоездов на этих станциях были выгружены и погружены десятки воинских эшелонов. За период с 1 мая по 26 июня 1942 года дивизион двумя бронепоездами отразил 90 налётов вражеской авиации;

почти все налёты сопровождались бомбометаниями по бронепоездам, по станциям погрузки и выгрузки воинских эшелонов. За этот период бронепоездами сбито 10 самолётов».

Отец вспоминал, как он научился курить. До войны деревенский парень не знал ни запаха табака, ни вкуса спиртного. Но когда на бронепоезд заходила девятка «Юнкерсов» и с воем, один за другим, самолёты начинали пикировать на обездвиженный бронепоезд (немцы сначала бомбили железно-

дорожные пути спереди и сзади), командир обычно говорил: «Ну что, комиссар, закурим по последней?» Где же здесь было не закурить? Обычно при налётах авиации на бронепоезде оставались только командир или комиссар и зенитные расчёты, остальные врассыпную бежали «в поле», подальше от бронепоезда. Отец говорил, что как-то за месяц они шесть раз сменили зенитные расчёты из-за потерь убитыми и ранеными.

В 1942 году, когда Красная Армия отступала, награждали мало. Отец говорил, что политработников на войне вообще награждали неохотно. Якобы, Сталин считал, что комиссары, как и в Гражданскую войну, должны идти в бой первыми, служить примером и проявлять героизм не за ордена и медали. Номер медали, вручённой отцу, – 65167. Всего же за войну медалью «За отвагу» было награждено более 4 млн человек.

Самым страшным испытанием во время войны, по рассказам отца, было попадание под бомбёжку наших же штурмовиков. Такое на войне случалось. Налёт был внезапным и жестоким, недаром немцы называли штурмовики Ил-2 – «чёрной смертью». Самолёты на большой скорости шли волнами на малой высоте, и времени, чтобы укрыться, не было. Один из солдат крикнул отцу: «Товарищ капитан!» и буквально втолкнул его под бревенчатый мостик, а сам следом уже не успел – пулемётной очередью ему перебило ноги.

Всё это обрывки отцовских воспоминаний, так как специально он о войне никогда не рассказывал. Что-то стёрлось в его памяти, что-то я не запомнил по малолетству. Но у отца была привычка хранить документы, различные справки, удостоверения.

Во многом только благодаря этому сложилась эта его военная биография.

Крестьянский сын, который, возможно, впервые попал в уездный город Рославль уже после окончания семилетки, через 10 лет пришел в Европу, освобождая от гитлеровцев города и местечки Галиции, сёла Румынии, европейские столицы Будапешт и Вену, с их роскошными парками и дворцами. Правда, в большинстве своём, он видел их разрушенными и освобождал под пулями, бомбами и снарядами. Но, всё равно, это был совсем другой мир, существовавший в сытом своём довольстве, – с усадьбами, фольварками, ухоженными, цветущими когда-то городками. В Румынии они – несколько офицеров – додумались устроить охоту в угодьях спешного, с августа 1944 года, союзника Сталина румынского короля Михая и настреляли там фазанов. Король пожаловался командованию, и контрразведка землю рыла, чтобы найти «преступников». А если бы нашла – расправа была бы скорой: в лучшем случае разжаловали бы и отправили в штрафники.

Там же в Румынии погиб командир дивизиона 131-го гвардейского артполка 4-й гвардейской армии, с которым отец вместе провоевал два года, будучи его заместителем по политчасти. Погиб нелепо: присел по нужде в кукурузе, а прятавшийся там немецкий солдат, то ли с перепугу, то ли от искушения убить беспомощного человека, выстрелил в него. Солдаты поймали немца и там же на месте устроили самосуд. Отец рассказывал о гибели командира с большим сожалением, но, видно, на войне у каждого своя судьба. А вот о командире дивизии полковнике (не буду называть его фамилию, хотя знаю её) отец говорил с откровенной неприязнью: «Он еще на Халхин-Голе получил звезду Героя Советского Союза, и с тех пор его любимой присказкой было: „Я – Герой, а ты – гивно!" Его так и звали в дивизии – „Гивно". Такой самодур был, людей не жалел. Сталин снял его с должности, когда он под Будапештом почти всю дивизию положил».

За освобождение Венгрии, действительно, шли очень тяжёлые бои, а взятие её столицы – Будапешта – считается одной из самых кровавых «городских» битв за всю историю

Европы. Освобождение города растянулось на три месяца. Потери Красной Армии составили 80 тысяч убитыми и 240 тысяч ранеными. Отец принимал непосредственное участие в боях за освобождение столицы Венгрии. Все пять мостов через Дунай были взорваны, и переправляться пришлось на подручных средствах. Плот, на котором находился гвардии капитан Аникеев, был разбит попаданием снаряда, и в сапогах и шинели он стал тонуть, но его втащили к себе солдаты с соседнего плота. А потом в намокшем обмундировании пришлось сразу идти в бой. Будапешт взяли 13 февраля 1945 года.

Эта зимняя переправа сильно сказалась на здоровье отца. Наградой была медаль «За взятие Будапешта», учреждённая Указом Президиума Верховного Совета СССР 9 июня 1945 года. Та самая, из песни Матвея Блантера на стихи Михаила Исаковского «Враги сожгли родную хату...».

Но на этом бои за освобождение Венгрии не закончились. В марте 1945 года было ещё сражение в районе озера Балатон. Немцы собрали мощную группировку, сняв даже из-под Берлина некоторые элитные части, включая танковую дивизию СС «Адольф Гитлер», и нанесли мощный удар. Отец рассказывал: «Мы откатились так стремительно, что оставили на позиции два орудия, не выведя их из строя. Это считалось воинским преступлением со всеми вытекающими отсюда последствиями. Той же ночью, пока немцы не освоились и не укрепились, я взял взвод солдат, лошадей и пробрался на наши позиции. Повезло. Привёз не только орудия, но и ещё одного красноармейца, прятавшегося в немецком тылу». За возвращенные орудия отцу полагался орден. Какой – не знаю, но у каждого ордена был свой статус, где подробно было расписано, за какой подвиг он вручается. Но представления к награждению не было, иначе бы сначала командир должен был идти под трибунал за оставленные врагу орудия. А так всё обошлось.

Красноармеец же рассказал, что, спасаясь от немецкой мотопехоты, он заскочил в калитку усадьбы, где оказался её хозяин. Мадьяр показал ему на хозяйственные постройки, где можно было укрыться, а потом куда-то исчез. Переждав какое-то время, красноармеец переполз в заросли в конце участка. Вскоре заурчал мотор автомобиля, из которого высыпали немцы и хозяин, который указал, куда спрятался солдат. Немцы окружили постройки, дали по ним несколько очередей из автоматов, а потом обыскали их. Никого не обнаружив, немцы уехали, а солдат, который наблюдал за всем этим, дождавшись темноты, стал пробираться к своим и наткнулся на отцовскую команду, вывозившую пушки. Когда перешли в наступление и снова заняли этот населённый пункт, красноармеец попросил у командира разрешение отлучиться на полчаса с оружием. На одиночный выстрел никто не обратил внимания, на войне к ним привыкли.

Следующей освобождённой европейской столицей в военной биографии отца была Вена. Он так же, как и в боях за Будапешт, принимал непосредственное участие в освобождении столицы Австрии 13 апреля 1945 года. Сохранился текст представления гвардии капитана Аникеева М.Б. к награде со словами: «личным примером мужественного поведения в бою тов. Аникеев мобилизовал людей на беззаветную борьбу».

Помимо орденов и медалей во время войны был ещё один вид поощрения за участие в боевых действиях – благодарности, объявленные Приказами Верховного Главнокомандующего. Победные приказы, ставшие регулярно выходить с лета 1943 года после Курской битвы, объявлялись перед строем воинских частей и подразделений, а персональные благодарности оформлялись в виде разного рода грамот и листовок с портретами Сталина или простых типографских справок и приказов, заверенных подписью командира полка и пе-

чатью. Таких справок и приказов у отца сохранилось тринадцать. Они не давали права на какое-то материальное поощрение (за ордена шла денежная доплата), но по ним можно проследить боевой путь воина. В напечатанную типографским способом справку с грифом вверху – «Смерть немецким оккупантам!» или «Смерть немецким захватчикам!» вписывалось от руки воинское звание и имя участника боевых действий: Капитан Аникеев Михаил Борисович, а далее следовало: «Верховным Главнокомандующим Маршалом Советского Союза Сталиным Приказом от... (здесь указывались дата приказа, иногда номер и за что объявлена благодарность)».

Вот, по сохранившимся благодарностям Верховного Главнокомандующего, боевой путь моего отца с конца 1943 года до Дня Победы (стиль и правописание сохранены): от 14 декабря 1943 года ЗА ОТЛИЧНЫЕ БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПО ОСВОБОЖДЕНИЮ города ЧЕРКАССЫ;

от 3 февраля 1944 года ЗА ОТЛИЧНЫЕ БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПО ОКРУЖЕНИЮ НЕМЕЦКИХ ВОЙСК В РАЙОНЕ СЕВЕРНЕЕ ШПОЛА И ЗВЕНИГОРОДКА;

от 18 февраля 1944 года ЗА УНИЧТОЖЕНИЕ ОКРУЖЕННОЙ ГРУППИРОВКИ в районе КОРСУНЬ-ШЕВЧЕНКОВСКИЙ;

Далее отец пишется уже не как «капитан», а «гвардии капитан»: от 10 марта 1944 года ЗА ОТЛИЧНЫЕ БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПО ПРОРЫВУ и РАЗГРОМУ УМАНЬСКО-ХРИСТИНОВСКОЙ ГРУППИРОВКИ НЕМЦЕВ;

от 25 марта 1944 года ЗА ОТЛИЧНЫЕ БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПО ФОРСИРОВАНИЮ реки ДНЕСТР, освобождение города БЕЛЬЦЫ и выход на ГОСУДАРСТВЕННУЮ ГРАНИЦУ;

от 22 августа 1944 года ЗА ОТЛИЧНЫЕ БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРИ ПРОРЫВЕ ОБОРОНЫ ПРОТИВНИКА И ОСВОБОЖДЕНИЕ города ЯССЫ;

от 24 августа 1944 года ЗА ОТЛИЧНЫЕ БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПО ОСВОБОЖДЕНИЮ ГОРОДОВ РОМАН, БАКЭУ, БЫРЛАНД и ХУШИ;

2 декабря 1944 года за отличные боевые действия войскам, участвовавшим в боях за овладение городами СЕКСАРД, КАПОШБАР, ПАКШ, БОНЬХАД и ДОМБОВАР;

24 декабря 1944 года войскам, участвовавшим в боях при прорыве обороны противника и овладении городами СЕКЕШФЕХЕРВАР и БИЧКЕ;

28 марта 1945 года №315 за отличные боевые действия по овладению городами ДЬЕР и КОМАРОМ;

от 3 апреля 1945 года №328 за отличные боевые действия по овладению городами ВИНЕР-НОЙШТАДТ, ЭЙЗЕН-ШТАДТ, НЕУЕНКИРХЕН, ГЛОГГЕНИТЦ.

И ещё две благодарности – это Приказы за взятие БУДАПЕШТА и взятие ВЕНЫ, соответственно, №277 от 13 февраля и №334 от 13 апреля 1945 года – с перечислением фамилий командующих фронтами, командиров частей и соединений всех родов войск, принимавших участие в боях за освобождение этих городов, в виде маленьких книжечек, сложенных из одного листа бумаги.

С медалью на гимнастёрке «За отвагу», которой его наградили ещё в августе 1942 года, с первоначальной маленькой колодочкой, отец прошёл всю войну. Орден Отечественной войны II степени за участие в освобождении столицы Австрии города Вены он получил уже после окончания войны – оформление документов не поспевало за подвигами воинов. Так, медали «За взятие Будапешта» и «За взятие Вены» ему вручили 2 декабря 1946 года, медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» с профилем Сталина на аверсе – 6 мая 1947 года, то есть через два года после окончания войны. Отец служил тогда в должности заместителя командира батареи 27-го гвардейского тяжёлого танкосамоходного Ясского Краснознамённого орденов Суворова и Кутузова полка. И дислоцировался этот полк в Венгрии.

С Победой в мае 1945 года военная служба для отца не закончилась. Более того, войска остались в освобожденных ими странах (теперь, исходящая злобой, всякая нечисть вопит с экранов телевизоров – «оккупированных»), и отец увидел свою дочь только в начале 1947 года, когда получил, наконец, долгожданный, первый с начала войны отпуск. Людочке было уже четыре с половиной года. С мамой в конце 1946 года они перебрались из Средней Азии в Москву, помог муж маминой сестры Зины – Павел, который был в звании полковника, служил в ГлавПУРе (Политическом управлении Красной Армии) и даже выезжал несколько раз на фронт за какими-то сведениями для справок. Всё полученное за границей отпускное денежное довольствие отец пропил с Павлом в благодарность за то, что тот спас его семью. Людочка родилась в г. Чарджоу в июле 1942 года, отец был на фронте, а мама голодала, получая на ребёнка 50 граммов рисовой каши и 50 граммов кефира в день как иждивенка. К тому же Люда переболела малярией и была очень слабенькой.

Как отцу удалось уцелеть в кровавом месиве войны по послужному списку пребывания на фронтах Великой Отечественной войны с 29.04.1942 года по 9.05.1945 года? Дважды его спасали солдаты: при налёте наших штурмовиков и при переправе через Дунай. А может, и больше, чем дважды, может, он рассказал только о двух случаях. Да и мало ли на войне было возможности погибнуть: при бомбёжке, от осколка снаряда, шальной пули, выстрела снайпера... Но мне кажется, что сохранила его мама. Она как-то рассказала, что, когда отец с бронепоездом отправился на фронт, она, дождавшись первого письма, в благодарность отрезала женщине-почтальону пластик от пайки хлеба (его выдавали тогда по карточкам). И за второе письмо тоже. А потом загадала, что если будет отрезать по кусочку каждый раз, то почтальон не принесёт похоронку. С тех пор письменосец заходила к маме каждый день. А когда мама уходила куда-нибудь, то клала кусочек хлеба за ставню.

– Я иногда открывала ставню в надежде, что почтальон сегодня не заходила, – рассказывала мама. – Но такого не было никогда.

Сколько раз ей приходилось преодолевать искушение съесть этот, свой же, кусочек хлеба! Даже через полвека после окончания войны мама говорила, что самое страшное, что она испытала за свою жизнь – это постоянное изматывающее чувство голода во время войны.

По-видимому, в 1947 году жёнам разрешили воссоединиться с мужьями. Там, в небольшом венгерском городке Сомбатхей (мама на русский манер называла его – Сомбатели) в ноябре того же 1947 года родился я. Роды принимал майор, начальник санчасти 27-го гвардейского тяжёлого танко-самоходного полка. Так что, первый человек, которого я увидел, был в белом халате, надетом на военный мундир. В свидетельстве о рождении, выданном в Консульском отделе СЧ (Советской Части) СК (эти две буквы в надписи и на печати я расшифровать не смог) по Австрии, располагавшемся в Вене, местом моего рождения указали: «Будапешт, Венгрия». Так в мою биографию, как и в военную биографию отца, вошли две европейские столицы. Мама рассказывала, как они – две дурёхи, две офицерские жены на последнем месяце беременности, прослышав, что в Австрии всё дешевле и качеством лучше, не сказав мужьям, сели в дизельный поезд (Сомбатхей находится в 10 км от австрийской границы) и отправились в Вену за одеждой для новорождённых. По пути оживлённо болтали и пришли в себя, только почувствовав напряжённое внимание окружающих. Оказывается, поезд уже пересёк границу с Венгрией и в вагончик набились злобно поглядывающие на них австрияки. Назад ехали уже молча, забившись в уголок.

Не знаю, сколько я прощеголял в европейских ползунках. Думаю, что недолго. Вероятно, уже в 1948 году, в связи с резким обострением обстановки (в конце концов, это привело к венгерским событиям 1956 года), семьи советских военнослужащих срочно отправили обратно в Советский Союз. Мама с детьми прописалась временно на станции Удельной в Подмосковье, где мы жили на квартире в частном доме у хозяйки. В 1949 году приехал в отпуск отец. Мама вспоминала, что он был худой, почерневший, а в чемоданчике у него было только две пары «жёлтого» (по словам мамы) солдатского белья. Побыв с семьёй, отец купил маме шубу «под котик» и, возвращаясь обратно в Венгрию, оставил деньги, которых хватило только на покупку дров на зиму.

Уже в конце жизни отец рассказал, как в ту свою вторую послевоенную встречу с семьёй он взял с собой маленькую дочку и поехал в Москву получить полагавшееся ему продуктовое довольствие. Пункт выдачи располагался на Арбате, там, где долгое время находился большой военный универмаг. Отец набил вещмешок крупой, консервами, тушёнкой, положил сверху несколько буханок хлеба, и они поехали обратно в Удельную. Дочка, которая ещё не успела заново привыкнуть к отцу, уже на пешеходном мосту на станции тихонечко подёргала его за рукав шинели и, когда он нагнулся к ней, попросила: «А можно мне кусочек хлебца?» Здесь отец, рассказывая, завсхлипывал, и у меня тоже сейчас на глазах слёзы: сестрёнка моя Люда умерла в прошлом году в Харькове, проборовшись двадцать шесть лет с онкологией.

Я уже говорил, что у отца была привычка хранить все бумаги. Я знал, что среди документов и фотографий где-то лежит тонкая пачка его писем, адресованных маме, и все не решался их прочесть, боясь обнаружить то, что мне не следовало знать. Достал я их только через тридцать с лишним лет после смерти отца, когда достиг его возраста. Я ожидал этого момента, как будто в моей жизни должно было что-то измениться. Но ничего со мной не произошло, я понял только, что отец мог бы ещё жить и жить.

Я отыскал письма. Всего их, сохранившихся, оказалось 27. Писал отец их буквально через день. Оказалось, что они не фронтовые, как представлялось, а были написаны в 1948–1949 годах в Венгрии, когда приехавших офицерских жен и детей спешно отправили обратно на родину из-за обострившейся обстановки, и отец снова остался один.

О чем же писал жене гвардии капитан Аникеев Михаил Борисович, прошедший войну в составе Западного, Брянского, Второго и Третьего Украинских фронтов от подмосковного Люблино до столицы Австрии города Вены?

Короткие, на страничку из школьной тетрадки письма пронизаны душевной тоской:

«Ты, конечно, понимаешь, как для меня дорого каждое слово о жизни, развитии и проделках моих деток, особенно сыночка. Последнее время я часто вижу его во сне, смотри, береги его, он очень глубоко сидит в моем сердце».

«Очень рад до глубины души за фотографии сыночка. Какой он милый, просто как цветок. У меня только одна радость, что смотрю на его фотографию. Береги его, но и дочку не забывай».

«Как чувствует себя мой любимый сынок, пиши чаще о нем и подробней».

«Я со всем согласен, главное, чтобы было удобно вам и особенно сыночку».

«Как чувствуют и растут мои детки. Удивляюсь, почему сынок стал непослушным, быть может, ты не так с ним обращаешься или же у тебя неправильные взаимоотношения с ним»...

Представляю, как маме было обидно, сообщив отцу о шалостях маленького сына, получить обвинение в «неправильных вза-

имоотношениях с ним». Но чтобы понять, что испытывали освободители Европы от коричневой чумы, которых потом назвали оккупантами, нужно прочитать и следующие строки:

«Несколько дней не получаю твоих писем... Мне тяжело, ты это прекрасно знаешь. Я тоскую и нервничаю, я скучаю и печалюсь. Меня некому порадовать. Кроме казённщины ничего нет. Другое дело у тебя. Ты живешь, как в раю. Тебя окружают милые наши детки. Ты имеешь счастье видеть их каждую минуту, говорить и шутить с ними. А что если бы тебя оторвать от них и послать куда-нибудь жить и работать в чужой стране. Ты, конечно, никогда не думала об этом и не можешь не только переживать, но и предполагать, как это трудно.

Я отец двух детей, а сколько я видел их. Всего только мгновение. А как мне хочется слышать их щебетанье и видеть их проделки. А как мне хочется их воспитывать своим отцовским словом и убеждением».

Прошедшие кровавую войну, оторванные от родины и от своих семей, они несли на чужбине службу: в казарме, на плацу, в лагерях. А в короткие свободные минуты пили водку, играли в карты, писали рапорты о переводе или увольнении, на которые никто не обращал внимания, и, по причине напряженной обстановки, спали, не снимая сапог, подставляя к кровати табуретку.

А мама жила на квартире у хозяйки на подмосковной станции Удельной. И ждала возвращения мужа: три военных года с дочкой и еще два послевоенных – с дочкой и сыном.

Из Венгрии отца перевели служить в Калининградскую область, в город Черняховск, совсем ещё недавно бывший немецким Инстербургом.

Ещё во время прохождения службы в Венгрии приказом Главкома Сухопутных войск №01519/п от 29 апреля 1948 года отцу было присвоено воинское звание «майор». А в 1950 году мы уже всей семьей жили в Восточной Пруссии, в бывшем немецком городе Инстербург, переименованном в Черняховск.

Черняховск я помню как сплошные развалины и постоянный гул танковых моторов. Мы жили где-то на окраине города, в доме прусского генерала – трехэтажном особняке, увенчанном двумя башенками. Напротив, через улицу, располагалась строевая воинская часть, слева за дощатым забором находились капониры механизированного полка, справа проходила улица Московская. С мальчишками, жившими там, мы, как водится, задирались, не пуская их на свою территорию, а они на свою.

В доме у нас были две комнаты на самом верхнем этаже, выделенные отцу, видимо, как старшему офицеру, так как все офицеры ниже званиями жили этажами ниже. Эта «привилегия» обходилась маме дополнительной нагрузкой – ведь дрова и уголь приходилось таскать наверх из подвала ей, так как отец постоянно пропадал в части. Печка, облицованная белым кафелем, выходила гладкой стороной в крохотную комнатку, где была наша детская спальня, здесь же под кроваткой находился мой персональный ночной горшок.

Детская моя жизнь целиком проходила во дворе. Как младший братик, я постоянно увязывался за сестрёнкой, которая обманывала меня, убегая с подружкой на соседнюю улицу. Но и у меня был свой друг – одногодок Славка, веснушчатый кудрявый блондин. Он был сыном старшины-сверхсрочника, и жили они на первом цокольном этаже с отдельным входом. Мы почти не расставались, поскольку сверстников у нас во дворе не было, только девочка года на два, на три младше нас, с которой мы, естественно, не водились. Когда Славку звали обедать или ужинать, я заходил вместе с ним, чтобы переждать, не расставаясь. У них всегда было одно и то же блюдо – картошка, жаренная на сале, и этот запах казался необыкновенно вкусным. Я стоял в

ожидании Славки возле двери, а старшина развлекался тем, что накалывал несколько ломтиков картошки и протягивал их на вилке мне. Я подходил, с готовностью открывал рот, а старшина ловко и весело отправлял картошку в свой рот. Я не был таким умным мальчиком, как Серёжа из одноименного фильма Сергея Бондарчука, чтобы спросить: «Дядя (имени сверхсрочника я не помню), ты дурак?»

Отца я почти не видел. Уходил он утром рано, днём приходил на обед, быстро съедал первое и второе, пил чай и по привычке, не снимая сапог, приставив стул к чёрному кожаному дивану, ложился и спал минут 15–20. Потом подхватывался и уходил – обычно допоздна. Помимо дивана у нас было еще обитое бархатом зелёного «болотного» цвета кресло, с кистями внизу, и буфет. Этот буфет я «узнал» потом в фильме Андрея Тарковского «Жертвоприношение». Из «черняховской» жизни мне запомнилась ещё большая шоколадка, подаренная отцом в день рождения, с золотым тиснённым изображением якоря и соответствующей надписью: «Золотой якорь» (до этого меня баловали только конфетами). Ещё одним ярким впечатлением того детства была шашка, с которой на боку отец как-то пришел домой на обед (носить её полагалось офицерам – старшим патруля). Он отстегнул её и положил рядом, а я стоял и завороженно гладил ножны – вынимать шашку отец не разрешил.

Запомнилось также, как отец, возвращаясь с охоты, привозил мне «заячий» хлеб (в рассказах М.М. Пришвина – это «лисичкин» хлеб»). Обычно, это была какая-то недоеденная ржаная горбушка, чаще всего, зачерствевшая, с прилипшими к ней крошками. Но детское доверие к отцовским словам, что этот хлеб мне «зайчик в лесу передал», делало его необычайно вкусным. Охоту отец любил, поэтому я ещё с юного возраста знал, что такое «пыжи», и пытался крутить тяжёлую круглую металлическую штуку с торчащей вверх ручкой, в которой катали дробь. Частенько в доме у нас на стол водружалась большая сковорода с жареной зайчатиной. Ещё у нас жили две собаки, одна из которых точно была гончая, а вторую я не запомнил. Собаки, как и дети, тоже были на попечении мамы.

Конечно, жёны, да и дети военных, неизбежно, пусть и косвенно, вовлеклись в армейскую жизнь. Несколько раз отец брал меня в полк, на место своей службы, и поручал солдатам присмотреть за мной. Те неловко отпускали разные шутки про папу и маму, а однажды посадили меня на бронетранспортёр, на самый верх. Было и страшно, и дух захватывало от восторга. Но отец заметил это, прикрикнул на подчинённых, и они мгновенно опустили меня на землю.

Одна из фотографий, где отец сидит в парадном мундире с наградами, а я стою рядом в матроске и бескозырке с надписью на ленточке «Герой», снята в Черняховске в клубе воинской части.

За медицинской помощью тоже обращались в полковую санчасть, и поэтому, когда я какой-то лопнувшей склянкой чуть не отрезал себе палец, меня сразу подхватили и на руках отнесли в часть напротив.

8 мая 1950 года отец был зачислен слушателем в Военно-политическую ордена Ленина Краснознамённую академию имени В.И. Ленина на факультет заочного обучения.

Почему-то осталось в памяти, как отец пришел вечером из части угрюмый, с красной, окаймлённой чёрными полосками повязкой на рукаве шинели. Потом, уже через много лет, я сообразил, что это было 5 марта 1953 года в день смерти Сталина, но каких-то слёз и тем более рыданий в нашей семье я не помню.

А потом мы внезапно собрались и покинули Черняховск. Отец уже окончил 3-й курс академии, ему оставалось отучиться последний год и сдать госэкзамены, после чего должно было последовать присвоение

очередного воинского звания, но он неожиданно получил новое назначение. Выбора не было: или перевод в Заполярье, или увольнение из армии. Отец выбрал последнее. Мама потом рассказала, что, когда пришло время выписывать проездные документы до станции назначения, его спросили: «Куда поедешь?». «Поеду спасать детей!» – сказал отец, ткнув в карту пальцем. И мы, собрав свой нехитрый скарб, поехали на Украину.

Видимо, Украину отец выбрал не случайно. Смоленщина была полностью разорена войной, и никого из отцовской семьи там не осталось. Возможно, он решил из чуждой, серой и дождливой Восточной Пруссии перебраться где потеплей и поближе к родным. В Западную Украину, оплот бандеровщины, в город Коломыю, после войны был направлен работать заместителем начальника паровозного депо младший брат отца – Григорий, окончивший, как и отец, железнодорожный техникум в Рославле. Потом его перевели в областной центр – Станислав (ныне Ивано-Франковск). Там же оказались отцовская мать, моя бабушка – Евфросиния Семёновна, и две его сестры – Анна и Мария, а младшая – Надя, поступила учиться в Киевский государственный университет.

Станция Ободовка Тростянецкого района Винницкой области, куда пальцем попал отец, оказалась большим пыльным селом, с украинскими мазанками, крытыми соломой. Не знаю, сколько времени мы там провели, но думаю, что очень немного, так как ни о какой работе и жилье здесь не могло быть и речи. Запомнился лишь мой детский страх, который я испытывал, когда хозяйка хаты, где мы остановились, выпускала из хлева свиней. С визгом неслись они к большому выдолбленному деревянному корыту и, громко чавкая и отталкивая друг друга, забирались в него ногами. А страх я испытывал оттого, что во дворе бегал белоголовый мальчишка чуть помладше меня, и одного уха у него не было. Хозяйка сказала, что ухо у спящего младенца отгрызла свинья.

Из Ободовки мы переехали в областной центр Винницу. Там я ничего не запомнил, только широкую реку прямо в городе – Южный Буг. В Виннице отец ходил в военкомат, обком партии и ещё какие-то учреждения, поскольку его как офицера, уволенного в запас, должны были трудоустроить и предоставить какое-нибудь, хоть временное, жильё семье с двумя детьми. Деньги – подъёмные, выданные при увольнении, подходили к концу, малой скоростью шёл контейнер с имуществом, переоформленный с Ободовки на Винницу, а никакой определённости не было. Отца посылали из одного кабинета в другой, пока один из инструкторов не сказал ему: «Я смотрю, ты уже давно сюда ходишь. Давай мы с тобой встретимся и поговорим. Только не здесь! Закажи в соседнем ресторане столик». И назначил время после окончания рабочего дня.

Здесь, я хорошо помню, как отец сказал: «Деваться было некуда, положение было безвыходным. Взял последние деньги и пошёл».

Вечером обкомовский работник пришёл, сел за столик, где его ожидал отец, и первым делом спросил: «Ты меня не помнишь?». Отец ответил: «Нет! Я вас не знаю». «А я тебя помню, – сказал инструктор. – Тебе в нашем дивизионе бронепоездов в 1942 году медаль «За отвагу» вручали. Ты ведь комиссаром на первом бронепоезде был?» Отец ответил: «Было такое дело!» «А я был помощником машиниста на втором!» – сказал инструктор. Выпили и, как полагается фронтовикам, вспомнили и мёртвых, и живых. А в конце однополчанин-украинец сказал: «Послушай моего совета! Ты здесь себе работу не найдёшь. У нас считают, что ты, кацап, приехал к нам украинское сало есть, и под разными предлогами будут тебе отказывать. Только промаешься понапрасну. А вот в Жмеринке, тут недалеко, есть большой вагоноремонтный завод. Там директор рус-

ский – Усачёв. Там ты устроишься на работу по специальности».

И мы поехали в Жмеринку, давшую своё название знаменитым еврейским («жмеринским») анекдотам. Жмеринка когда-то была польско-еврейским местечком (поляки – знатью, а евреи – чернью, как, впрочем, и везде на правобережной Украине). Славилась она своим роскошным вокзалом с двумя крытыми перронами и шикарным рестораном, где обычно останавливалась обедать царская семья по пути на отдых в свой Ливадийский дворец в Крыму.

В сентябре 1953 года отец был зачислен на должность мастера вагоносборочного цеха (ВСЦ) Жмеринского вагоноремонтного завода (ЖВРЗ). Завод, городская ТЭЦ и заводской посёлок находились далеко на окраине города. Два десятка преимущественно двухэтажных (было несколько и одноэтажных) восьми- и двенадцатиквартирных домов послевоенной постройки, заводское общежитие и школа располагались на бывшем пустыре, ограниченном по бокам двумя улицами с частной застройкой с садиками и небольшими домишками. Из коммунальных удобств в заводских домах были только водопровод и канализация, отопление печное. На работу и с работы ходили по гудку, причём раздавался он утром, в обед и вечером дважды, с перерывом в один час, видимо, для рабочих и инженерно-технических работников по отдельности.

Отец зимой, ранней весной и осенью ходил в армейской шинели, летом – в армейском же х/б, но окрашенном в чёрный цвет, в сапогах и железнодорожной фуражке. Х/б – гимнастёрку и галифе – мама покупала на вещевом рынке («толкучке»), а потом, засыпав в таз из маленького пакетика порошок-краситель, долго кипятила и ворочала в тазу палкой, чтобы ткань прочно окрасилась и не линяла.

Отец поначалу работал мастером, потом инженером по подготовке производства ВСЦ. Какая у него была зарплата, я не знаю, помню только большие сотенные бумажки с портретом В.И. Ленина. Но их было мало. Правда, отец получал ещё небольшую военную пенсию. Но, так как ему не дали дослужить до 25 лет полной выслуги (у отца вместе со временем, проведённым на фронтах, где исчислялся год за три, оказался только 21 год выслуги), пенсия у него оказалась маленькой. На эту пенсию и зарплату существовала вся семья, так как мама не работала – в Жмеринке (как и в Черняховске) у нас никого родных не было – ни бабушек, ни тётушек. Не помог бы и детский сад, так как уже в 1954 году я пошел в нашу поселковую школу, а сестрёнка, которая была на 5 лет и 4 месяца старше меня, училась в средней школе, находившейся в самой Жмеринке, далеко за железнодорожными путями. В школу она пошла ещё в Черняховске, но не в первый, а во второй класс, так как еще до школы её отправили в детский туберкулёзный санаторий в Боярку под Киевом. Оттуда какая-то сердобольная санитарка написала маме письмо: «Приезжайте, заберите своего ребёнка, так как она уже не жилец, и, может быть, ещё успеете довезти её до дома». Мама сразу помчалась туда и привезла Людочку, действительно, почти уже не живую, в Москву, и там, наплакавшись, решила с сёстрами в Черняховск её не везти, а отправить к бабушке в Среднюю Азию, в Чарджуй, как они называли Чарджоу. Там она уже через месяц, загорелая, с заплетёнными косичками, ничем не отличалась от девчонок-туркменок и носилась с ними целый день по жаре, выжегшей всю её хворь. В Черняховске, пройдя испытание, она пошла учиться сразу во второй класс, и все свои школьные годы была отличницей.

Отец перевёз багажом из Черняховска трофейный немецкий мотоцикл BMW с коляской, бывший для мамы источником постоянных тревог и ожиданий. В заводском посёлке возле домов обязательно строились кирпичные сараи, в основном для

хранения дров, огородного инвентаря и, как водится, разного ненужного барахла, выбросить которое было жалко. Дачи тогда иметь не позволялось, но выделялись участки для посадки картофеля, как правило, очень далеко за границами жилой зоны. Отец быстро пристроил к сараю дощатый гараж и подолгу возился с мотоциклом: запчастей, естественно, не было, и он пытался использовать различные чужеродные детали. Помню, он очень гордился, когда вместо катушки зажигания приспособил тракторное магнето. Когда мотоцикл был на ходу, отец беспрестанно мотался по соседним украинским сёлам. Он был прекрасным механиком, мог разобрать и наладить любой механизм, подряжался на любые работы, а колхозы расплачивались с ним половиной забитой свиньи, а однажды, как мне запомнилось, целым бараном.

Отец не ошибся в своём выборе. В разорённой войной стране плодородная украинская земля хоть и не давала возможности совсем уж безбедного существования, но позволяла не заботиться о хлебе насущном. Отец иногда брал меня с собой. Я играл возле крытых соломой белёных украинских хат, утопающих в вишнёвых и яблоневых садах. Там же меня и кормили. Особенно мне запомнились застолья у отцовского знакомца одноногого бригадира Дёмы из соседнего колхоза. Дородная «жинка» вечно пьяненького хозяина уставляла стол мисками с варениками и сметаной, варёной картошкой и жареной домашней колбасой, огурцами и помидорами. Здесь же были «паляница» круглого пышного белого с корочкой хлеба, непременная тарелка с большими кусками нежно-розового сала и полуметровые влажные плети прямо с грядки зелёного лука. Во главе стола всегда красовалась заткнутая обглоданным початком кукурузы четверть мутноватого самогона.

Мама, видимо, и отпускала меня с отцом, чтобы он особенно не поддавался соблазну. Возвращались мы, чаще всего, уже в полной темноте, под звездным украинским небом. Отец сажал меня, одетого в одну с короткими рукавами рубашонку, не в продувавшуюся ветром коляску, а на заднее сиденье себе за спину, и я, вцепившись в офицерский кожаный ремень и прижавшись к широкой отцовской спине, мчался с ним в ночи. Оглашая спящий уже посёлок рёвом мотора, мы подкатывали к дому, где неизменно в тёмном проёме входной двери подъезда виднелась фигура мамы. Когда я сползал с сиденья, она поворачивалась и уходила домой, чтобы согреть воду. Обязательное мытьё ног перед сном было для меня сущей пыткой, так как глаза уже слипались, а ноги подкашивались от усталости.

Жили мы бедно, как, впрочем, и большинство вокруг нас. Некоторые, в частности женщины – солдатские вдовы с детьми, особенно без вести пропавших мужей, просто бедствовали. Мама вела хозяйство очень экономно. Основной нашей едой были хлеб, картошка, сало, яйца и различные соленья. На зиму всегда заквашивалась в бочке капуста, солились огурцы и помидоры. Несколько раз заготавливались грибы – белые грузди, которые по готовности, уже в бочке, приобретали сизоватый оттенок. Бочки отец делал сам. Вручную выстругивал необходимые уклоны на клёпках, вырезал донца, изготавливал и набивал обручи. Дубовые отцовские бочки были предметом зависти соседей, так как купить подобные было негде, продавались только небольшие липовые ушаты. В сарае, где стоял мотоцикл, был выкопан погреб, в него на зиму опускались бочки с соленьями. Нужно было сначала отодвинуть старые одеяла, которыми для утепления накрывался люк, потом спуститься со свечкой, редко – с фонариком (не было в продаже батареек), вниз по лесенке, извлечь из холодного рассола огурцы, помидоры, вынуть камень, которым придавливалось «донце», и наскрести ложкой в миску капусту. Ещё, помнится, нужно было снять и расстелить

потом в бочке какие-то покрывающиеся белой плесенью скользкие тряпочки, которые мама периодически вынимала и споласкивала.

Часто на столе у нас занимала место селёдочка с лучком на беленькой с золотой каёмочкой овальной селёдочнице, залитая ароматным подсолнечным маслом. Но употреблялась она в охотку только сразу, а потом уже, подсыхая краями и обнажая косточки, неаппетитно лежала в густеющем масле. Праздничными блюдами были обыкновенный винегрет (мама иногда готовила его и по будням) и холодец. «Холодное» из свиных ножек варилось полдня, затем косточки разбирались, мясо раскладывалось по глубоким суповым тарелкам и заливалось бульоном. Колбасу в своём детстве я вообще не помню, только её очень аппетитный запах. Причём, варёной колбасы в Жмеринке, по-моему, вообще не продавали. Зато на обед почти всегда была маленькая котлетка (отцу полагалось две), чаще всего с картофельным пюре. Обязательно на первое были борщ, щи или суп. Особенно мне нравился прозрачный мамин супчик с фрикадельками.

В Жмеринке мама ходила раз в неделю на базар и приносила небольшой, на зелёном листочке, по форме и размером чуть больше котлеты, кусочек сливочного масла с узором по поверхности «скобочками», нанесённым обычной столовой ложкой. Масло тут же перекладывалось в баночку и заливалось водой, так как домашние холодильники были в то время только у большого начальства. Базар был далеко, в самой Жмеринке, от центра куда-то вниз. Вдоль улицы, ведущей туда, стояли одна за другой еврейские хибарки-мазанки, у которых копошились кудрявые черноволосые детишки. Всё это потом, в точности, я увидел в двадцать лет пролежавшем на полке кинофильме Александра Аскольдова «Комиссар» с Роланом Быковым и Нонной Мордюковой в главных ролях.

Однажды отец привёз из колхоза заработанную своими «выездными» трудами большую заднюю свиную ногу, соорудил прямо во дворе, перед окнами, коптильню, и мы всей семьёй следили за ней, подбрасывая дрова. Соседей раздражал не столько вьющийся дымок, сколько отцовская способность всё уметь делать самому. Этот окорок висел потом в подвале на большом железном крюке, и от него отрезались нежные бело-розовые с коричневой корочкой ломти. Ничего более вкусного в жизни я потом не едал. Но окорок быстро худел, и, в конце концов, от него осталась только большая кость.

В школу я пошёл, когда мне не было ещё семи лет. К тому времени я уже умел читать и писать. Первой моей прочитанной книжкой была «Сын полка» Валентина Катаева. Первой библиотекой – школьная. Когда я пришёл туда первый раз, мне выдали детскую книжку с картинками, и пока библиотекарь оформляла мой формуляр, я её тут же, за библиотечным прилавком, прочитал и попросил другую. Тётенька-библиотекарь объяснила мне, что книжки нужно читать дома и возвращать не позднее, чем через 10 дней. Я взял книжку домой, добросовестно прождал 10 дней и пришёл за другой. В пятом классе я был записан уже в трёх библиотеках: школьной, заводской и городской.

Отец меня никогда физически не наказывал, а когда я был мальчонкой, ставил в угол: «Пусть подумает!». В родительской спальне, перекрывая угол, наискосок стоял шифоньер, и там, между стеной и боковиной шкафа, было место отбывания моего наказания. Стоя в «углу», опустив голову и разглядывая пустующий треугольник пола, я пришёл к выводу, что его можно разумно использовать, и, заблаговременно, зная, что меня сегодня вечером, с приходом отца с работы, ожидает, стал просовывать туда табуретку и класть на неё книжку. И отбывал потом наказание с пользой, читая и неза-

метно перелистывая страницы. Продолжалось это, обычно, не более получаса. Знал ли отец о моей уловке? Вряд ли, так как наказывали меня довольно редко. А если знал, то ему только делает честь за то, что не учинил мне разнос за мою хитрость и не лишил меня возможности дополнительного интеллектуального обогащения.

Когда я был ещё совсем маленьким, обязательным вечерним ритуалом была сказка на ночь. Я забирался перед сном к отцу в постель с книжкой, и он обязательно, в каком бы состоянии ни был – уставший или даже выпивший, обязательно читал мне сказку.

Ещё одним совместным с отцом времяпрепровождением была игра в шахматы. Меня он научил играть ещё в детстве, сохранилась даже жмеринская фотография, где мы сидим за шахматами возле новогодней ёлки. Играл я для своего возраста вполне прилично, хотя ни в каких кружках не занимался и разряда не имел. Но до отца мне было далеко. В шахматы он играл с блеском. Особенно блицы: жертвовал одну за другой фигуры и неожиданно ставил мат. Выиграл я у него всего раза два, и то случайно, поскольку он мне не поддавался, и я, проигрывая, злился и даже маленький плакал от обиды.

О существовании своих деда Бориса Васильевича и бабушки Евфросиньи Семёновны, как и отцовских брата и сестёр, я даже не подозревал. Дедушка появился у нас в Жмеринке осенью 1954 или весной 1955 года, когда я уже учился в школе в первом классе. Кряжистый, лысый, с вислыми усами и какой-то затаённой болью в выцветших глазах, он был одет в серый хлопчатобумажный (самый дешёвый в то время материал) пиджачок и серенькую же, поразившую меня своей необычностью, застиранную рубашку, с двумя белыми пуговичками на косом вороте, обут он был в простые кирзовые сапоги. Мы сидели вчетвером за накрытым праздничным столом с винегретом, селёдочкой и огурчиками. На столе стоял графинчик – отец никогда не ставил на стол бутылку. Дедушка что-то рассказывал, часто повторяя: «бериевские головорезы». Смысл слова «головорезы» я понимал, а вот «бериевские» – нет. Отец сосредоточенно молчал. У деда по щекам текли слёзы, и он оттирал их тыльной стороной заскорузлой ладони. Мама постоянно косилась на открытую форточку. Мы жили на первом этаже.

В Ермолино из Жмеринки мы впервые поехали всей семьёй, когда мне было лет девять-десять. Добирались долго, через Москву. Там мы провели несколько дней у маминой сестры Зины, жившей с мужем Павлом и двумя сыновьями Геной и Юриком в большой квартире в самом центре Москвы, на проезде Серова (ныне Лубянский проезд). Помню, как мы ходили с отцом в Третьяковскую галерею. Шли пешком – от «тёти Зининого» дома до Лаврушенского переулка не так уж далеко. А потом, мы и не торопились: отец трижды заходил по пути в какие-то маленькие забегаловки, где брал себе «100 грамм», добавляя каждый раз: «Сдачи не надо!», а мне доставался крохотный бутербродик с красной икрой. Лишь от третьего отец откусил кусочек. Я не помню в «Третьяковке» ни одной картины с того первого посещения, но именно тогда в мою жизнь вошло ощущение благоговейной тишины музейных залов.

Из Москвы, тоже поездом, мы добрались до Рославля. Там на привокзальной площади оказалась машина-такси – «Победа» с рядом шашечек на кузове, и отец долго уговаривал водителя довезти нас до деревни. Наконец, тот согласился (скорее всего, за двойную плату), и мы поехали, по-видимому, сначала в сторону Смоленска по рославльскому большаку до ст. Крапивенской, а потом уже по грунтовой дороге в сторону деревни Доротовки. Хотя дело было летом, дорога была почти непроезжей, и водитель, отчаянно крутя баранку, постоянно черты-

хался, ругая себя, что согласился ехать. С трудом добрались до Доротовки, и дальше везти нас таксист наотрез отказался, хотя до Ермолино оставалось всего 1,5-2 км. Но это не входило в планы отца, он сумел настоять, и мы подкатили к самой избе, где проживали мои дедушка и бабушка. Появление наполовину забрызганной грязью «Победы» на деревенской улице вызвало так необходимый отцу фурор. Он вылез из машины в чёрной шляпе и светлом плаще и, протянув водителю большую купюру (не помню уже какую, но, скорее всего, 50-рублёвую), громко произнёс своё обычное: «Сдачи не надо!»

Между тем, в 1959 году сестрёнка окончила среднюю школу с серебряной медалью. Она была лучшей ученицей школы, и медаль должна была быть золотая, но подвела «четвёрка», полученная по второстепенному предмету «электротехника» ещё в 8-м классе. Всё лето Люда просидела, не выпуская из рук книжек, и поступила в Одесский государственный университет имени Франца Меринга на отделение французского языка. Почему в Одесский, а не в Киевский, ведь Жмеринка на полпути между этими городами? Столица Украины была русскоязычным городом, но Одесса была городом русским, и поступить дочери русского офицера в местный университет шансов было гораздо больше, так как в Киеве предпочитали готовить национальные кадры. В сентябре Люда уехала учиться, но отец при первой возможности ездил в Одессу, чтобы подкинуть дочери хоть каких-то продуктов. Однажды в трамвае по пути от вокзала в студенческое общежитие у него лопнул туго набитый картошкой вещевой мешок, и его содержимое рассыпалось по салону. Солидный мужчина в армейской шинели не стал собирать картошку по всему трамваю, а вышел на следующей же остановке. Тем более, что обе руки его были заняты другой поклажей, иначе зачем нужно было тащить за плечами ещё и вещмешок.

В Жмеринке мы прожили семь лет. Русский директор завода Усачёв вскоре после нашего приезда скоропостижно умер. Руководство завода сменилось. Те, кто были партнёрами отца по охоте (Шестопалько и Белобрицкий), теперь избегали общения с ним – один стал директором завода, другой секретарём парткома. Из мастеров отец дослужился до начальника бюро описи. Его трудовая книжка, как и вкладыш к ней, были полностью исписаны благодарностями, но отец хорошо понимал бесперспективность своего дальнейшего пребывания на заводе: небольшой кабинетик, три-четыре сотрудника, рутинная работа по описи прибывавших на ремонт вагонов и унизительно маленькая зарплата. А его деятельная натура требовала труда созидательного, со зримыми результатами.

В конце концов, в отце, видимо, что-то надломилось. Он заладил «На родину! На родину!» и стал пить с какой-то безрассудной удалью. Люда к тому времени уже вышла замуж за одессита, студента престижного института связи. Свекровь души не чаяла в своей невестке, и мама сдалась. Мы опять наскоро собрались, большей частью раздав своё неказистое имущество и продав роскошную родительскую никелированную кровать с панцирной сеткой, купленную и привезенную отцом из Венгрии, – главное наше богатство. С большим трудом мама уговорила отца оставить у знакомых мотоцикл, пообещав, что он, как только мы обустроимся на новом месте, обязательно за ним вернётся. И мы поехали на «родину», где нас никто не ждал.

В Смоленске на железнодорожном вокзале мы позавтракали оставшимся куском курицы с запашком и несколькими мятыми помидорами. Пригородный поезд на Рославль отравлялся вечером, и, оставив меня с чемоданом и сумками на вокзале, родители поехали посмотреть город. Там мама опять же уговорила отца зайти в адресное бюро и поискать адрес Кати Королевой,

молодого инженера с ЖВРЗ, с которой у отца ещё во время работы в цеху мастером сложились хорошие, уважительные отношения. Катя за год до нас уехала в Смоленск и писала матери, жившей в соседнем с нами доме, восторженные письма о том, что она устроилась работать на новый современный завод средств автоматики и живет в семейном общежитии.

В адресном бюро на углу улиц Дзержинского и Октябрьской Революции случилось второе «чудо» узнавания моего отца. Как в Виннице. Когда они с мамой вошли в адресное бюро, одна из находившихся там посетительниц, женщина небольшого росточка, вдруг воскликнула: «Это же Миша Аникеев! Ты ведь Миша? А я Клара, твоя однокурсница по Рославльскому техникуму!». «Не помню!» – опешил отец. «Где же ты будешь помнить! Ты и тогда высокий, красавец был, а я всю жизнь пигалица». Разговорились. Оказалось, что муж Клары Николай Кузьмич Крюков был секретарём парторганизации локомотивного (по-моему, тогда ещё «паровозного») депо и, кроме того, членом бюро горкома КПСС. О Рославле Клара даже слушать не захотела: «Поехали к нам, Коля поможет вам как-нибудь устроиться!» Жили они в собственном доме, в районе, в просторечии именовавшемся «Сортировка».

За мной заехали на вокзал, и мы все вместе на такси отправились на Белорусскую Сортировочную. Когда машина с разгончика стремительно стала подниматься в гору (Таборную), я, зажатый с боков на заднем сиденье, оглянулся и увидел, как позади странным образом не уходят вниз, а, напротив, вздымаются громада Успенского собора и могучие башни и стены Смоленской крепости.